

Ал. ЗАКРЖЕВСКИЙ

В царстве женственной неги

(Поэзия Александра Блока) *

Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилося с пучиною вод.

Владимир Соловьев

Эпоха, которую переживает наша современность, может быть названа эпохой возврата к прошлому, но черпающего в этом прошлом свежие соки для расцвета будущего. Неокантианство в философии, переходящее в религиозный мистицизм, неоромантизм в искусстве, обогащенный в последнее время своеобразными ростками мистического реализма и анархизма, — могут служить верными показателями этого возврата. В русской современной поэзии нашли себе плодотворную почву и грандиозные завещанья Платона, и оргиазм дионисийских и элевзинских таинств, и священное поклонение женщине Петrarки и Данте, наряду с средневековыми мистериями и волхованием славянской мифологии... Много странного, болезненного, извращенного есть в этих явлениях нашей эпохи возрождения, но то, основное, что запечатлено искренними порывами вдохновения, без сомненья, составляет ее гордость и красоту и в нем — освобожденном от уродливых осложнений еще не нашедшей идеального выражения формы, мы должны видеть залог будущего, в котором сокровища Духа, выработанные кропотли-

---

* А. Блок. 1. Стихи о Прекрасной Даме. Москва, к-во «Гриф», 1905; 2. Нечаянная Радость. II-й сборн. стих. Москва, к-во «Скорпион», 1907; 3. Снежная маска. Сборн. стих. С.-Петербург, к-во «Оры», 1907.

выми усилиями человеческого гения, войдут в жизнь и образуют храм свободы и истины.

...Все, что в груди хоронилось, что образа тщетно искало:
Гордого духа порывы и нежность любви беспредельной, —
Все то в одну непреклонную силу сольется, волшебным
Мощным потоком все думы людские обнимет,
Цепь золотую сомкнет и небо с землей сочетает¹.

Среди звезд нашей молодой поэзии звезда А. Блока если не самая яркая, но, бесспорно, самая красивая, струящая мягкий, нежно-матовый, в аккордах неземных звуков, мистический свет. Главное, что опьяняет в его стихах, что делает его поэтом будущего — это безумная влюбленность в бездонный образ Вечности, которая голубым сиянием озаряет его облик. Но одно слово «вечность» не дает еще полного понятия, и Блок воплощает ее в символ вечной женственности, что одухотворяет весь мир чарами своего обаяния и, отражаясь белокрылым своим, таинственным, расслабляющим образом в хрустальных, подернутых бледным сумраком — зеркалах его песен, — зарождает радостное предчувствие в истомленных исканиях, предчувствие приближения творческого духа к ее великой Тайне, которую он зовет своей Прекрасной Дамой... Вечная женственность!.. сколько родственного для каждого человека таится в этом слове... Это старая, но в значении своем вечно новая мелодия, льющаяся из столетия в столетие, изо дня в день, это волшебная сказка нашей маленькой, тусклой жизни, заколдованная незаглушаемым трепетом идеального в нашей душе... О ней грезил Платон — этот божественный жрец красоты, ею была проникнута вся прекрасная Эллада, в зачарованных садах Аркадии, в жертвах Афродит, в оргиях Диониса расцвела ее тайна, журчащая пьянящими аккордами неразгаданного. В мрачные средние века наполняла она сердца рыцарей тоскою по женщине неземной, вдохновляла на подвиги и битвы, наполняла песни трубадуров и менестрелей силою своею неизреченною... В Библии воплотилась она в «Песни песней», в Евангелии — в светлый Лик Богородичный, в Апокалипсисе чувствуется грядущее царство ее в виде «жены, облеченной в солнце».

В наш век много поэтов и мыслителей было влюблено в Вечность. Не говоря уже о Шопенгауэре, Метерлинке, Гёте, Мицкевиче и Лермонтове, — даже Ницше — этот скептический, а в некоторых построениях своих не чуждый оттенка материализма, гений, — даже и он тяготел к ней — к всеобъемлющей Вечности, и, может быть, он понимал ее совокупно с женственно-

стью. Последнее предположение подтверждают знаменательные слова Заратустры: «...О, как не пылать мне стремлением к вечности и брачному кольцу из колец, — кольцу возрождения. Никогда еще не встречал я женщины, от которой желал бы детей. Пусть же она будет мне этой женщиною, возлюбленною моею: потому что я люблю Тебя, Вечность!»...² — Но с особенною силою прозрел тайну вечной женственности Влад. Соловьев. Он всюду чувствовал присутствие ее — Премудрой Софии и в своих стихотворениях, и в своей философской системе обаятельно обрисовал ее глубокое, гармонически созидающее значение...

Не подлежит сомнению, что творчество А. Блока находится в зависимости от влияния В. Соловьева и не только в форме своей, но и в целом мировоззрении, восприняв только основу его идей, он чрезвычайно усложнил как сам слог, так равно и мотивы своих стихотворений, придав им более глубокий смысл. В своем проникновении в самые сокровенные, самые недоступные чащи души, в атласистой, захватывающей гармонии своей чисто музыкальной рифмы, в юношеской восторженности и той изысканной нежности, которая чудодейственно преобразует грубую русскую речь под его пером, придавая ей удивительно тонкую легкость, — во всем этом он достиг утонченной виртуозности, и не только вследствие упомянутых качеств, но также по той идеальной цельности и выдержанности своего оригинального стиля, которая не нарушается ни в одном из выпущенных им сборников стихов.

«Стихи о Прекрасной Даме» Блока — это яркое олицетворение того ослепляющего света, которым полна душа, только что пробудившаяся к жизни, но не знающая о ней, но мечтающая о иных обителях внежизненного, о божественных улыбках Прекрасной Дамы, появление которой — опьяняющее и спасительное, уже сверкает на туманном фоне повседневности — и предчувствие его наполняет радостным трепетом душу и цветет она светлым цветом надежды, орошенным слезами блаженства, перед которым тускнеют слова.

В тишине ожидания замерли все звуки — и тихо зреет восторг.

Открыты темные бездны и спеленал их сумрак матовый светлой печали, и в них, как в сокровенных храмах, — струится молитва пламенная и жгучая, святая молитва широко открытой, чистой, новорожденной души.

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.

Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени, у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей,
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой, Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны!

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — ты³.

Сверкает душа белизной снежной, к ней не прикоснулось еще земное, ее не запятнали нечистые руки людские, ей не понятен хаос зла и насилья, она вся — в потустороннем созерцании счастья, восторга, упоения, все в ней — серебряная дрожь экстаза, золотые сны ожидания.

Я жду призыва, ищу ответа,
Немее небо, земля в молчаньи,
За желтой нивой — далеко где-то,
На миг проснулось мое воззванье.

Из отголосков далекой речи
С ночного неба, с полей дремотных
Все мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных,

Я жду — и трепет объемлет новый.
Все ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, Боже, ночные души!

На миг проснулось за нивой, где-то
Далеким эхом мое воззванье.
Все жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье.

И самая тишина этого молитвенного настроения проникнута освящающей литургией блаженства, в ней рисуется в новом освещении та цель, которую мы тщетно ищем в припадках бессилья и отчаянья и которую поэт объясняет с такою трогательною верою как спасительный возврат на лоно изначального хаоса.

Когда святого забвенья
 Кругом недвижимая тишь, —
 Ты смотришь в тихом томлении,
 Речной раздвинув камыш.

Я эти травы зеленые
 Люблю и в сонные дни.
 Не в них ли мои потаенные,
 Мои золотые огни?

Ты смотришь тихая, строгая,
 В глаза прошедшей мечте,
 Избрал иную дорогу я, —
 Иду — и мысли не те...

Вот скоро вечер придвинется,
 И ночь — навстречу судьбе:
 Тогда мой путь опрокинется,
 И я возвращусь к Тебе.

Поэту ведома сладость молчанья, воздвигающего храм любви; погружаясь в него, он пьет его упоительный нектар, весь отдаваясь своей затаенной, своей блаженной мечте.

Я к людям не выйду навстречу,
 Испугаюсь хулы и похвал.
 Пред Тобой Одной отвечу
 За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны.
 И люблю обращенных в слух:
 За словами — сквозь гул невнятный
 Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
 Моего не заметят лица.
 Но во мне — потаенное знание
 О любви к Тебе без конца.

И среди цветущей тишины, среди небесных молений слышит душа, изнемогающая в муках ожидания, как приближается то — взлелеянное, то «не от мира сего», которого жаждет весь мир, слышит, как в вечерних жалобах, в сочетаниях песен и литургийных таинств часто отражается Она — прекрасная, неизведанная, полная волшебных чар и сладких цепей пьянящих терзаний, — и тогда вокруг расцветает весна и лучистый аромат ее поглощает всю тоску, всю тревогу.

Запевающий сон, зацветающий цвет,
 Исчезающий день, погасающий свет.

Открывая окно, увидал я сирень.
 Это было весной, в улетающий день.

Рассыпались цветы — и на темный карниз
 Передвинулись тени ликующих риз.

Задыхалась тоска, занималась душа,
 Распахнул я окно, трепеца и дрожа.

И не помню — откуда дохнула в лицо,
 Запевая, сгорая взошла на крыльцо.

И вот достигает экстаз наивысшей вершины своей, когда все существо сгорает огненным пламенем сумасшедшей надежды, после чего наступает чудо или смерть уносит сгоравшую жизнь, которая умерла уже для земного, но воскресла для горних обитателей за порогом сознания, о которых говорит Достоевский словами Кириллова: «Есть минуты, их всего приходит пять или шесть — и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой... Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость... Если более пяти секунд, то душа не выдержит и должна погибнуть... В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдаю всю мою жизнь, потому что стоит. Чтобы выдержать десять секунд, нужно перемениться физически»...⁴ Блок так иллюстрирует аналогичное состояние:

Ты свята, но я Тебе не верю,
 И давно все знаю наперед:
 Будет день, и распахнутся двери,
 Вереница белая пройдет.

Будут страшны, будут несказанны
 Неземные маски лиц...
 Буду я взывать к Тебе: Осанна!
 Сумасшедший, распростертый ниц.

И тогда, поднявшись выше тлена,
 Ты откроешь лучезарный Лик.
 И, свободный от земного плена,
 Я пролью всю жизнь в последний крик.

В этом призрачном сне наяву еще ближе, еще ощутительней ее образ, и слышится ее шепот сквозь свирельность молчания, как в лазурной сказке.

Мой любимый, мой князь, мой жених,
 Ты печален в цветистом лугу.
 Павиликой средь нив золотых
 Завилась я на том берегу.

Я ловлю твои сны на лету
 Бледно-белым прозрачным цветком.
 Ты сомнешь меня в полном цвету
 Белогрудым усталым конем.

Ах, бессмертье мое растопчи, —
 Я огонь для тебя берегу.
 Робко пламя церковной свечи
 У заутрени бледной зажгу.

В церкви встанешь ты, бледен лицом,
 И к Царице Небесной придешь, —
 Колыхнусь восковым огоньком,
 Дам почуять знакомую дрожь.

Над тобой — как свеча — я тиха,
 Пред тобой — как цветок — я нежна.
 Жду тебя, моего жениха,
 Все невеста и вечно жена.

И тогда, в минуту тесного сочетания с потусторонним, как бы вняв мольбам, наконец приходит Она и, прильнув матовым сном к усталой душе, — освящает этим поцелуем дивное таинство касания мирам иным, — наряжая преображенный дух в белоснежные ризы воскресенья.

Покраснели и гаснут ступени.
 Ты сказала сама: приду.
 У входа в сумрак молений
 Я открыл мое сердце. — Жду.

Что скажу я Тебе — не знаю.
 Может быть, от счастья умру.
 Но огнем вечерним сгорая,
 Привлеку и Тебя к костру.

Расцветает красное пламя.
 Неожиданно сны сбылись.
 Ты идешь. Над храмом, над нами —
 Беззакатная глубь и высь.

Чтобы понять всю прелесть, всю нежность, всю гармонию этих стихов, нужно почувствовать их, слиться с ними — и тогда восторг снидет в душу и надолго останется в ней, словно от прикосновения свежей, душистой волны. Очарование усиливается еще тою рафинированностью эстетического чувства, которая присуща только истинным аристократам духа и которая, проникая все, написанное Блоком, покоряет сердца читателей своим волшебным обаянием. В этой глубокой нежности, в этой

белизне, которая, как лепестки белой розы, осеняет каждый звук вдохновения этого поэта.

Как, например, этот поистине музыкальный пейзаж, который я считаю лучшим из всего, что вышло из-под пера Блока.

День был нежно-серый, серый, как тоска.
Вечер стал матовый, как женская рука.

В комнатах вечерних прятали сердца,
Усталые от нежной тоски без конца.

Пожимали руки, избегали встреч,
Укрывали смехи белизною плеч.

Длинный вырез платья, платье, как змея,
В сумерках белее платья чешуя.

Над скатертью в столовой наклонились ниц,
Касаясь прическами пылающих лиц.

Стуки сердца чаще, напряженной взгляд,
В мыслях — он, глубокий, нежный душный сад.

И, молча, как по знаку, двинулись вниз,
На ступеньках шорох белых женских риз.

Молча потонули в саду без следа.
Небо тихо вспыхнуло заревом стыда.

Может быть, скатилась красная звезда.

Нежность поэта, граничащая с какою-то болезненною расслабленностью, заколдованная чисто детской наивностью, проникнутая тем оригинальным и новым у нас родом поэзии, который можно определить как изнеженность настроения — вызвала целую плеяду подражателей, в достаточной мере испошливших ее своими часто неискренними подделками... Примером этой стороны творчества Блока может служить следующая изящная миниатюра:

Темная, бледно-зеленая
Детская комнатка.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитяtko».

В углу — лампадка зеленая.
От нее — золотые лучики.
Нянюшка над постелькой склоненная...
«Дай заверну твои ноженьки и рученьки».

Нянюшка села и задумалась.
 Лучики побежали — три лучика.
 «Нянюшка, о чем ты задумалась?
 — Расскажи про святого мученика».

Три лучика. Один тоненький...
 «Святой мученик, дитяtko, преставился...
 — Закрой глазки, мой мальчик сонненький.
 — Святой мученик от мученья избавился».

В этой виртуозности картин настроений поэт достиг такой сложности нюансов и красок, которая делает его подлинным чародеем.

Но Блоку доступна и свойственна не только одна беспредельная радость, не одна молитва белых, чистых песен. В творчество его проникла немалая доля трагизма и зловещей тревоги и даже социальной борьбы (о последнем свидетельствуют некоторые стихи в сборнике «Нечаянная Радость»), — но тревоги и трагизма все в тех же глубоких подземельях души, куда не проникает человеческий глаз, — и которые, заводившись огненными языками, сжигают прозрачно тонкий фон того хаоса, в который погружен космос. Действие этих драм всегда разворачивается на этом фоне хаоса, что придает им сложный, сильно утонченный вид, но именно, благодаря этому-то фону, впечатление достигает высочайшего апогея, так как, по выражению Вл. Соловьева: «хаос, то есть само безобразие, есть необходимый фон вечной красоты земной»⁵. Глубокую истину этих слов поняли и выразили на деле многие модернисты (как, например, А. Белый в своих симфониях) — и она станет понятна всякому, кто убедится в бедности, узости, а во многих случаях непригодности наших обиходных слов и понятий, которые заставляют истинных художников пользоваться великою силою неоформленного, но уже чувствуемого и понимаемого душою, чтобы заполнить им те провалы творчества, перед которыми «мысль изреченная есть ложь»⁶, так как там, где теряет власть свое слово, — начинается роль музыки.

Глубокий трагизм души в тисках пошлости и непонимания, бессилье одиночества, жгучесть страданья, тяжесть неизбежной маски перед людскими взорами — все это нашло у Блока соответственную интерпретацию.

Все кричали у круглых столов,
 Беспокойно меняя место.
 Было тускло от винных паров.
 Вдруг кто-то вошел — и сквозь гул голосов
 Сказал: вот моя невеста.

Никто не слышал ничего.
 Все визжали неистово, как звери.
 А один, сам не зная отчего —
 Качался и хохотал, указывая на него
 И на девушку, вошедшую в двери.

Она уронила платок,
 И все они, в злобном усилии,
 Как будто поняв зловещий намек, —
 Разорвали с визгом каждый клочок
 И окрасили кровью и пылью.
 Когда все опять подошли к столу,
 Притихли и сели на место —
 Он указал им на девушку в углу
 И звонко сказал им, пронизывая мглу:
 — Господа, вот моя невеста.
 И вдруг тот, кто качался и хохотал,
 Бессмысленно протягивая руки,
 Прижался к столу, задрожал, —
 И те, кто прежде безумно кричал,
 Услышали плачущие звуки.

В попытках выразить боль людских страданий в пепельной рамке хаоса, Блок достиг блестящих результатов в стихотворениях «Повесть» и «Гимн» (см. сборник «Нечаянная Радость»), которые вносят много нового в его творческий облик. Очень удачно в этом отношении стихотворение «А l'ombre», в котором разворачивается вихрь драмы на струнах тающих сумерек:

День поблек — изящный и невинный
 Вечер заглянул сквозь кружева.
 И над книгою старинной
 Закружилась голова.

Встала в легкой полутени,
 Заструилась вдоль перил
 В голубых сетях растений
 Кто-то медленный скользил.

Тихо дрогнула портьера.
 Принимала комната шаги
 Голубого кавалера
 И слуги.

Услыхала об убийстве —
 Покачнулась — умерла.
 Уронила матовые кисти
 В зеркала.

Тот перелом в творчестве А. Блока и тот ущерб, дышащий веянием смерти, которые проявились в новых сборниках его

стихов: «Нечаянная Радость» и «Снежная маска», — возник вследствие стремления автора от чистого романтизма на путь специфической болотной сказочности, некоторой земляной затхлости, к оформлению потустороннего посредством слияния его с действительностью, т. е. стремления к тому направлению, которое нынче зовется «мистическим реализмом». Но такой перелом по отношению к нашему поэту нельзя не признать ошибочным, хотя бы потому, что всякий реализм, даже мистический, и вытекающая из него половинчатость в миросозерцании, как-то не под стать Блоку, этому утонченному, изнеженному пророку будущего возрождения души, совершенно отделенного от действительности и всецело слившегося с трансцендентными далями.

Да и в попытках своих в этом отношении он не достиг чего-нибудь такого, чтобы изменило понятие о нем, как о певце Прекрасной Дамы, и, кто знает, может быть, тот ущерб, то неискреннее стремление к смерти, проникающее его «Снежную маску» — является именно результатом того ложного и мертвого пути, на который толкнула его простая случайность. В этой книжке мы не узнаем прежнего светлого, жизнерадостного поэта: здесь полная безнадежность, полная измена прошлому («не надо кораблей из дали») ⁷, все радостное, все, прежде веселящее душу сказками и надеждами, — теперь покрыто высокими снежными сугробами бесстрастья и тоски и нет исхода, и выпивает усталую душу кошмарная удушливость снежной пыли.

Конечно, все это не умаляет той прелести как музыки слога, так и своеобразности настроения, присущей многим стихам «Снежной маски» и «Нечаянной Радости», хотя они во многом уступают стихам о «Прекрасной Даме». В декоративных эффектах, в неподражаемом умении одухотворять природу, в яркости и сочности красок Блок остается по-прежнему оригинальным мастером. Свое новое царство карликов, кувыркающихся чертенят, попиков в черных рясах и других мохнатых, юродивых существ — он заливает голубовато-тусклым светом усталого, пресыщенного покоя, на котором вырисовываются затемненные контуры неразгаданного, но в этом расслабленном таянии чувствуется что-то злое, холодное, слышится запах тленья. Сквозь болотные травы слабо мерцает облик «Величавой Жены», но в песнях о ней уже нет обычной радости и молитвы, а какая-то тупая безнадежность.

В творчестве Блока мы видим следы драмы весьма наивного свойства; разочаровавшись в вечности, он старается найти на

земле точку опоры, которая бы заменила ему утраченную веру (см. «Балаганчик»).

Ошибочность такого взгляда налицо: красота идеала — в недостижимом, и нужно много сил, влюбленности и восторга, чтобы не изменить ему.

Назначение таких поэтов, как Александр Блок, — не погружаться в засасывающую тину позитивистских исходов действительности, а, наоборот — одухотворять ее, подыматься над нею силою своего безумного полета и в взлетах своих к источникам Духа черпать новые откровения, новые истины, новые пророчества и бросать их снежно-белыми аккордами в усталые души людские, чтобы не оставляла нас вера в грядущее, чтобы под звуки песен его, зачарованных высшею Тайною, мы приобщались мирам иным, чтобы не оставляло нас блаженство радостного касания искупляющим безднам Вечности.

Верится, что состояние, в котором находится ныне талант Блока, есть лишь временное явление, верится, что мрак рассеется и поэт опять вступит на прежние свои пути Красоты и Истины, к которым влечет неведомая сила его музыки — его таинственная и Прекрасная Дама.

